

СТАТЬИ

В БИТВЕ ЗА БЕЛОРУССИЮ

Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза И. Х. БАГРАМЯН

Победа, одержанная летом 1944 года Советскими Вооруженными Силами в Белоруссии, составляет яркую страницу в летописи истории Великой Отечественной войны.

К началу летней кампании 1944 года на западном стратегическом направлении в конфигурации советско-германского фронта образовался огромный выступ, обращенный своей вершиной на восток. Этот выступ, именовавшийся гитлеровским командованием «Белорусским балконом», оборонялся немецко-фашистской группой армий «Центр», имевшей в своем составе 3-ю танковую, 4, 9 и 2-ю полевые армии. Войска этой группы поддерживались 6-м воздушным флотом. К северу от «Белорусского балкона» линию фронта удерживала 16-я полевая армия группы армий «Север», а к югу—4-я танковая армия группы армий «Северная Украина». Всего центральная группировка немецко-фашистских войск, учитывая часть сил 16-й полевой и 4-й танковой армий, к 20 июня насчитывала 65 дивизий, боевая численность которых достигала 1 млн. 200 тысяч солдат и офицеров.

Прочное удержание «Белорусского балкона», по оценке гитлеровского командования, преграждало кратчайшие, наиболее важные и удобные пути для вторжения Советских Вооруженных Сил в пределы фашистской Германии. Вместе с тем гитлеровцы, владея этим выступом, рассчитывали фланговыми ударами из его зоны сорвать возможное наступление Красной Армии на запад в обход территории Белоруссии с севера и юга.

Немецко-фашистское командование было убеждено, что Красная Армия с наступлением лета 1944 года свои главные операции по-прежнему будет развивать на южном крыле советско-германского фронта. Справедливость требует воздать должное Ставке Верховного Главнокомандования и нашему Генеральному штабу, ибо им удалось рядом разумно продуманных и отлично проведенных мер дезинформации оставить немецко-фашистское командование в этом заблуждении. Крупная перегруппировка советских войск с юга на север для участия в Белорусской операции была проведена в короткие сроки и скрытно от противника. Гитлеровское командование не распознало истинных намерений советского командования и в силу этого не усилило за счет армий южного крыла свою группу армий «Центр», чем поставило ее в крайне невыгодное положение перед началом нашего крупного наступления в Бело-

руссии. Наиболее ярким подтверждением ошибочных действий гитлеровского командования является тот разительный факт, что к началу летне-осенней кампании наших войск в 1944 году из 30 танковых и моторизованных немецких дивизий, действовавших на советско-германском фронте, 22—24 дивизии продолжали оставаться к югу от «Белорусского балкона».

Значение нашей победы в Белоруссии огромно. Решительный разгром весьма крупной по своему составу группы армий «Центр» не только привел победоносную Красную Армию к освобождению Советской Белоруссии, но и создал исключительно благоприятные предпосылки для развертывания последующих операций наших Вооруженных Сил в целях достижения окончательной победы над гитлеровской Германией и ее союзниками.

1. Перед операцией «Багратион»

Зимой 1944 г. войска 1-го Прибалтийского фронта, которыми мне выпала честь командовать, вбили опасный клин в оборону немецко-фашистских войск между Полоцком и Витебском. Но тогда нам с нашим соседом, Западным фронтом, не удалось из-за отсутствия необходимых для этого сил и средств окружить и уничтожить витебскую группировку противника. Впрочем, не только поэтому. Затишье в боевых действиях почти на всем советско-германском фронте позволяло немецкому командованию маневрировать резервами с других участков и относительно легко парировать наши, не обладавшие нужной мощностью, удары. Но мы не оставляли надежды при первой же возможности разгромить противостоящую нашим войскам группировку гитлеровцев.

В те памятные дни войны 1-го Прибалтийского фронта, после тяжелых кровопролитных боев вступившие на землю Советской Белоруссии, горели желанием как можно скорее очистить ее территорию от фашистской нечисти. Выступая на солдатских митингах, воины самых различных национальностей—русские и украинцы, казахи и грузины, армяне и узбеки, латыши и азербайджанцы, татары и литовцы, сыны многих других народов—с волнением говорили о том, что они плечом к плечу с воинами-белоруссами идут освобождать братскую Белоруссию. Помнится, все наши встречи с бойцами и офицерами начинались, как правило, с вопроса: когда же мы ударим по врагу? Когда освободим наших братьев белоруссов от ненавистой фашистской оккупации?

Три года белорусский народ ждал своего освобождения. Гитлеровцы, встречая героическое сопротивление советских людей, особенно со стороны многочисленных отрядов и соединений народных мстителей-партизан, создали в Белоруссии режим жесточайшего террора. Вся территория республики была покрыта сетью тюрем и концентрационных лагерей. Немецко-фашистские захватчики безуспешно пытались путем на-

Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза
И. Х. БАГРАМЯН

силы и жестоких истязаний запугать и превратить белорусский народ в послушных рабов.

Особо страстное нетерпение охватило воинов, когда они весной 1944 года узнали, что гитлеровцы предприняли крупную карательную экспедицию против белорусских партизан, основавших в тылу оккупантов своего рода партизанскую республику со столицей в городе Ушачи. В этом районе действовало 16 партизанских бригад. Желание не позволить фашистам расправиться с нашими доблестными партизанами было настолько велико, что даже мой старый друг начальник штаба фронта генерал В. В. Курасов, обычно всегда трезво оценивающий обстановку, на этот раз не выдержал и начал выдвигать идею немедленного наступления. Но, по условиям сложившейся к тому времени обстановки, это желание, к сожалению, было неосуществимым: наступила уже весенняя распутица, да и войска фронта еще далеко не были готовы к проведению крупного наступления. Именно в этих, неблагоприятно сложившихся для нас, условиях гитлеровское командование решило нанести белорусским партизанам решительное поражение, чтобы к началу летней кампании 1944 года ликвидировать их основные очаги у себя в тылу. Для ликвидации крупных сил партизан в районе Ушачи фашисты привлекли несколько охранных и пехотных дивизий. К нашему счастью, врагу не удалось уничтожить партизанские соединения, действовавшие в этом районе. Однако в ходе отражения вражеского наступления для наших партизанских соединений не раз складывалась тяжелая обстановка.

Мне хорошо помнится, как в эту тяжелую пору Военный совет и штаб нашего фронта принимали все возможные меры, чтобы облегчить положение партизан в районе Ушачи. Наша помощь выражалась, главным образом, в подаче по воздуху некоторых видов вооружения, боеприпасов, взрывчатки, средств радиосвязи, медикаментов, в эвакуации через линию фронта в тыл страны небольшого количества раненых и тяжелобольных партизан. Нередко по просьбе командования партизанских соединений им оказывали поддержку наши штурмовики и ночные бомбардировщики, нанося удары с воздуха по скоплениям фашистских войск.

Исключительно активную деятельность в эти трудные для партизан дни проявил прикомандированный к нашему фронту штаб по руководству партизанским движением во главе с инициативным и дельным товарищем Рыжиковым. Но протяжении почти целого месяца партизаны мужественно отбивались от нападавших на них со всех сторон фашистских частей и соединений. Мы бесконечно были рады, когда узнали, что, объединившись под командованием своего прославленного вожака В. Е. Лобанок, они все-таки с боями вырвались из окружения и с началом последовавшего затем нашего наступления оказали войскам неоценимую помощь в наиболее ответственные моменты операции.

Весной 1944 года в войска фронта все усиливающимся потоком стали поступать людские пополнения, вооружение и боеприпасы. Мы поняли, что наступление не за горами и что можем рассчитывать на выпол-

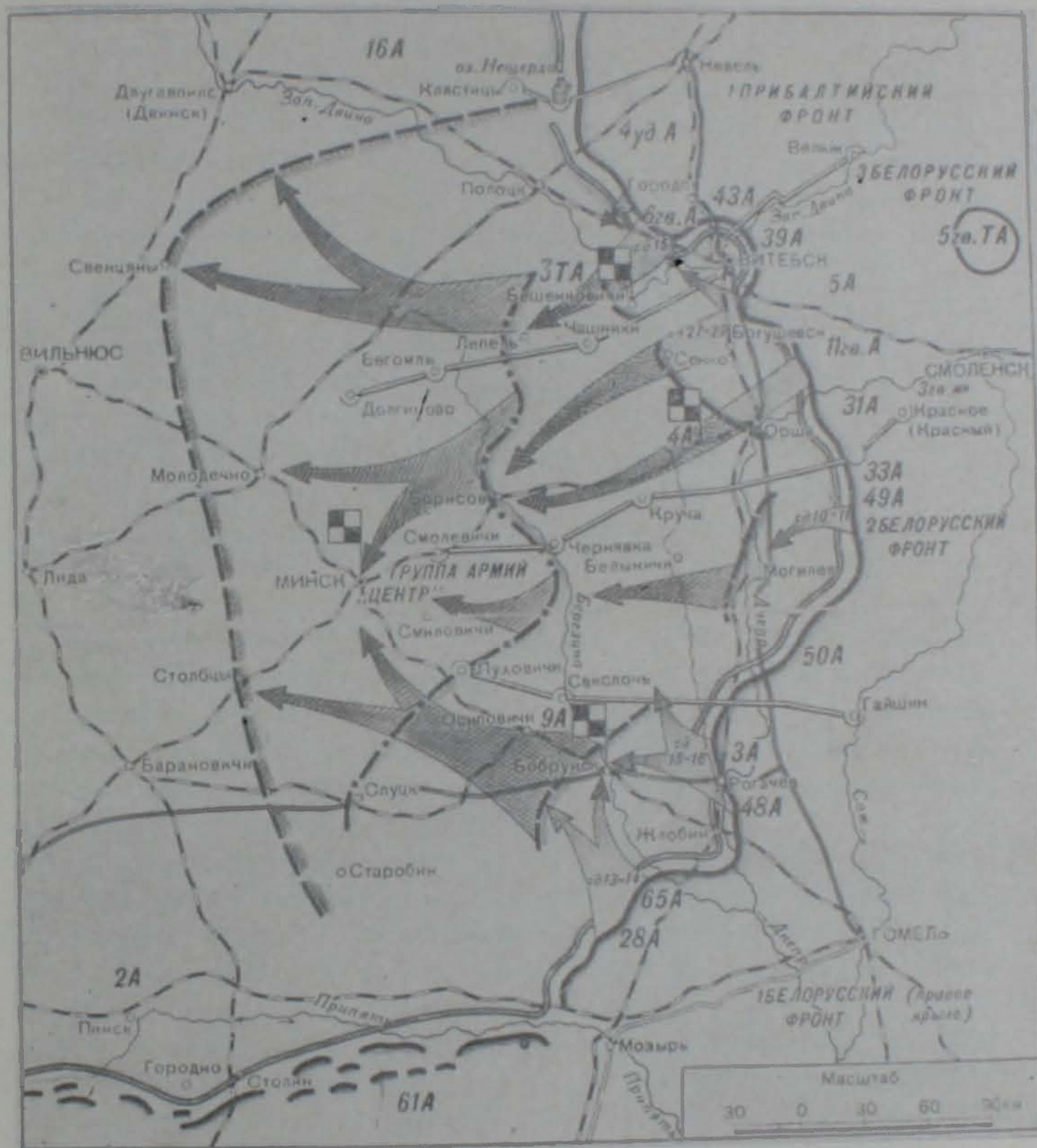
ненне более дерзких задач, чем разгром двух основных группировок противника в районах Витебска и Полоцка. И действительно, в начале мая месяца мы получили общую ориентировку на предстоящее наступление. Согласно предложениям Генерального штаба, 1-му Прибалтийскому фронту в операции по освобождению Белоруссии надлежало силами 6, 11-й гвардейских и 43-й армий, 1 танкового и 5-го гвардейского кавалерийского корпусов прорвать оборону противника северо-западнее Витебска, форсировать Западную Двину и, прикрываясь со стороны Полоцка 4-й ударной армией, наступать главными силами в направлении Лепель, Докшицы, Молодечно, а частью сил — в направлении Сенно с целью окружения и уничтожения витебской группировки противника во взаимодействии с войсками 3-го Белорусского фронта.

Исходя из этой ориентировки и поставленной нашему фронту задачи, мы активно приступили к разработке всех вопросов по подготовке предстоящей операции. Соблюдая надлежащие меры скрытности, строго ограниченная по составу группа генералов и офицеров фронтового управления под руководством Военного совета фронта приступила к изучению условий проведения намечаемой операции. Большое внимание при этом уделялось нами уточнению группировки войск противника, выяснению системы огня и инженерного оборудования обороны, выбору участка прорыва. Конечно, не забыты были и такие важные вопросы, как доукомплектование войск личным составом, вооружением и транспортом, организация боевого сколачивания частей и соединений, подготовка сети дорог, накопление материальных запасов.

В двадцатых числах мая месяца я и член Военного совета фронта генерал-лейтенант Д. С. Леонов были вызваны в Москву. Одновременно с нами в столицу прибыли командующие и члены Военных советов всех трех Белорусских фронтов, войска которых должны были совместно с нашим фронтом принять участие в проведении операции с целью изгнания немецко-фашистских оккупантов из Белоруссии.

В первый день нашего пребывания в Москве мы были приглашены в Генеральный штаб, где в течение целого дня Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков, А. М. Василевский и заместитель начальника Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов познакомили нас с основным замыслом операции, боевым составом и задачами фронтов. Затем они заслушали и обсудили соображения каждого командующего фронтом, чтобы перед докладом Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину определить окончательный, наиболее приемлемый вариант замысла операции и в соответствии с ним уточнить роль, боевой состав войск и конкретную задачу каждого фронта.

По первоначальному варианту плана операции, получившей условное наименование «Багратион», цель ее состояла в том, чтобы ликвидировать так называемый Белорусский балкон (выступ), оборонявшийся немецко-фашистскими войсками и выйти на рубеж Дисна, Молодечно, Столбцы, Старобин. Замыслом предусматривался разгром фланговых группировок противника в районах Витебска и Бобруйска, глубокий ох-

Замысел Белорусской операции (после обсуждения его в Ставке)

ват обнажившихся флангов и прорыв центра его позиций с последующим развитием всеми четырьмя фронтами успеха по сходящимся направлениям на Минск. На правом крыле стратегического построения советских войск с северо-востока на Минск нацеливались 1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский фронты при главенствующей роли нашего фронта. В центре и на левом крыле должны были наступать 2-й и 1-й Белорусский фронты при главенствующей роли последнего.

Таким образом, все четыре фронта, участвовавшие в операции, как видно из приведенного замысла, нацеливались на группу армий «Центр». в то время как у группы армий «Север», обладавшей значительными силами и средствами, оставались развязанными руки для нанесения мощного удара по правому крылу главной группировки советских войск, наступавших по сходящимся направлениям на Минск.

Это положение усугублялось еще и тем, что наш сосед справа—2-й Прибалтийский фронт под командованием генерала армии А. И. Еременко, в соответствии с решением Ставки, переходил в наступление против группы армий «Север» значительно позже нас. В силу этого надо было ожидать, что по мере продвижения в ходе операции ударной группировки 1-го Прибалтийского фронта на запад его правый фланг неизбежно растянется далеко на восток, по южному берегу реки Западная Двина, имея перед собой значительные силы 16-й полевой армии противника.

Становилось очевидным, что в этих условиях надежное обеспечение наступления нашей главной группировки в Белоруссии от возможных ударов с севера потребует выделения из состава войск 1-го Прибалтийского фронта сильного прикрытия. Решение этой проблемы, вполне естественно, накладывало определенный отпечаток на роль и характер действий войск этого фронта в операции «Багратион».

Именно на обсуждении этого важного вопроса, поднятого по моей инициативе, представители Ставки сосредоточили особое внимание. Поскольку усиления войск 1-го Прибалтийского фронта в операции неизбежно раздваивались, маршалы Г. К. Жуков и А. М. Василевский единодушно пришли к правильному выводу, что главную роль в операции «Багратион» на северном крыле нашей стратегической группировки следует отвести не 1-му Прибалтийскому фронту, как это намечалось предварительным замыслом Генерального штаба, а 3-му Белорусскому фронту, боевой состав которого нуждался в связи с этим в дополнительном усилении.

В результате напряженной работы, проведенной представителями Ставки с участием командующих фронтами, были внесены соответствующие изменения и дополнения в план и замысел операции.

Окончательный вариант замысла Белорусской операции сводился по существу к следующему. Сначала предусматривалось разгромить фланговые группировки противника, занимавшие белорусский выступ и сконцентрированные в основном в районах Витебска и Бобруйска. Разгром этих группировок, образно говоря, открывал для наших наступавших

войск широкие ворота на территорию белорусского выступа. Распахнув их, войска 3-го и 1-го Белорусского фронтов должны были в последующем охватывающими ударами в общем направлении на Минск окружить минскую группировку и освободить столицу Белоруссии. 2-му Белорусскому фронту предстояло фронтальным наступлением в общем направлении Могилев, Минск сковать возможно больше сил из состава группы армий «Центр» и всемерно содействовать осуществлению намеченного для 3-го и 1-го Белорусского фронтов замысла по окружению и уничтожению минской группировки противника.

В связи с этим состав ударных группировок 3-го и 1-го Белорусского фронтов был значительно усилен. По этой же причине нашему соседу слева была передана 11-я гвардейская армия и 5-й гвардейский кавалерийский корпус, включенные, по первоначальным наметкам плана операции, в состав 1-го Прибалтийского фронта. Кроме того, ему же были переданы из резерва Ставки 5-я гвардейская танковая армия, 2-й Тацинский гвардейский танковый, 3-й гвардейский механизированный корпуса.

Значительно изменились, в частности, задачи 1-го Прибалтийского фронта. Если по первоначальным наметкам войска фронта должны были после выполнения ближайшей задачи наносить глубокий удар в юго-западном направлении на Молодечно, то теперь им надлежало наступать на запад в полосе местности к югу от течения Западной Двины, чтобы, участвуя главными силами фронта в разгроме войск 3-й танковой армии, частью сил прикрыться с севера от возможных ударов 16-й полевой армии группы армий «Север» во фланг и тыл нашей главной группировки.

На следующий день в Ставке, в Кремле собрался высокоавторитетный и строго ограниченный по составу участников совет. Кроме Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, здесь были маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и А. М. Василевский, назначенные представителями Ставки для координации действий фронтов в операции; заместитель начальника Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов; командующие фронтами генерал армии К. К. Рокоссовский (1-й Белорусский фронт), генерал-полковник И. Д. Черняховский (3-й Белорусский фронт), автор этих строк (1-й Прибалтийский фронт) и соответственно члены Военных советов трех перечисленных фронтов: генерал-полковник Н. А. Булганин, генерал-лейтенант В. Е. Макаров, генерал-лейтенант Д. С. Леонов. 2-й Белорусский фронт, из-за болезни его командующего генерал-полковника И. Е. Петрова, представлял только один член Военного совета генерал Л. З. Мехлис. Таким основным состав участников совещания оставался до конца. При обсуждении же вопросов использования в предстоящей операции различных родов войск и их материально-технического обеспечения к работе совещания привлекались Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, маршал артиллерии Н. Д. Яковлев, Главный маршал авиации А. А. Новиков, маршал бронетанковых войск Я. Н. Федоренко, маршал инженерных войск М. П. Воробьев, маршал войск связи И. Т. Пересыпкин и генерал армии А. В. Хрулев.

Об уточненном замысле и общих наметках плана Белорусской наступательной операции докладывал генерал армии А. И. Антонов.

В обсуждении плана операции активно участвовали оба представителя Ставки маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и А. М. Василевский. В высказанных ими соображениях речь шла о том, как эффективнее добиться разгрома главных сил группы фашистских армий «Центр», прочно окопавшихся на белорусской земле. Они сделали весьма важное предложение. Поскольку противник в обороне Белорусского выступа имел неглубокое, по сути дела, одноэшелонное построение войск без наличия в глубине своего оперативного расположения крупных резервов, Жуков и Василевский совершенно правильно предлагали всем нашим фронтам с началом перехода в наступление ввести в сражение максимум сил и средств, с тем, чтобы быстро и решительно окружить и разгромить основные силы немецко-фашистских войск, вытянутых по всему фронту в один эшелон. Разгром подобным образом главных сил противника в этом районе создавал в последующем весьма благоприятные условия для развития стремительного наступления наших войск вплоть до достижения конечной цели операции.

Свое мнение по существу предстоявшего наступления высказали все командующие фронтами. Начали с меня, как с «правофлангового».

Я, как и все участники совещания, в целом выразил удовлетворение основной идеей, заложенной в замысле, и исключительно активными целями операции. Затем кратко доложил Верховному Главнокомандующему мое решение по организации прорыва обороны противника и развитию наступления в оперативной глубине. И. В. Сталин одобрил мое решение, но обратил внимание, что намечаемый мною участок прорыва обороны противника слишком широк для двух армий. Выслушав мое обоснование для определения такого широкого фронта прорыва, Верховный предложил мне по возвращении на фронт еще раз на местности проанализировать этот вопрос и принять окончательное решение.

Затем со своими предложениями и замечаниями выступили другие командующие фронтами.

Все участники совещания внесли свою лепту в разработку замысла этой выдающейся наступательной операции. Результаты совещания ярко показали неоценимую пользу коллективного обсуждения оперативных и стратегических замыслов.

Возвратившись с совещания, мы с членом Военного совета фронта генерал-лейтенантом Д. С. Леоновым пригласили к себе для информации о предстоящей задаче начальника штаба фронта генерал-лейтенанта В. В. Курасова, командующего артиллерией генерал-лейтенанта Н. М. Хлебникова, командующего бронетанковыми и механизированными войсками генерал-лейтенанта К. В. Скорнякова, начальника инженерных войск генерал-лейтенанта В. В. Косырева, командующего 3-й воздушной армией генерал-лейтенанта Н. Ф. Папавина, начальника тыла генерал-лейтенанта Д. И. Андреева, начальника оперативного управления гене-

рал-майора Ф. Н. Бобкова и начальника разведки полковника А. А. Хлебова.

Мое сообщение о принятом Ставкой решении наступать доставило собравшимся искреннюю радость. В духе полученных в Ставке указаний подготовка войск к наступлению возобновилась с новой силой.

1 июня мы получили директиву Ставки Верховного Главнокомандования, согласно которой войскам фронта предстояло во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом разгромить витебско-лепельскую группировку противника, форсировать Западную Двину и выйти на ее южной берег в районе Угла-Бешенковичи. В последующем частью сил окружить и уничтожить полоцкую группировку противника, а главными силами развивать наступление в западном направлении с целью выхода на 10—11-й день операции на рубеж Зеленый Городок-Крулевщина-Парафьянов.

Для выполнения этой задачи мы располагали тремя общевойсковыми и одной воздушной армиями, одним отдельным стрелковым и одним танковым корпусами фронтового подчинения. Во главе их стояли испытанные в сражениях воины и, я бы сказал, по-настоящему талантливые военачальники.

4-й ударной армией командовал генерал-лейтенант П. Ф. Малышев. Этот коренастый, невысокого роста человек обладал большой проницательностью, выдержкой и железным упорством в достижении поставленной цели. Участвуя в боях с лета 1941 года, он выдержал тяжелые испытания—кошмар окружений и горечь отступления. Петр Федорович Малышев не раз находился на волосок от гибели. Будучи комендантом Смоленска, он чудом спасся от смерти. И, оставаясь в строю, блестяще проявил свои военные способности в последующих боях.

6-ю гвардейскую армию возглавлял герой Курской битвы генерал-лейтенант Иван Михайлович Чистяков—неизменно жизнерадостный, стремительный. Много крови попортили фашистским воjakам соединения 6-й гвардейской.

Войсками 43-й армии руководил самый молодой из командармов по возрасту, но не по боевому опыту, генерал-лейтенант Белобородов Афанасий Павлантьевич. Кто не слышал о прославленной стрелковой дивизии генерала Белобородова, в числе первых ставшей гвардейской в боях под Москвой в 1941 году? Стройный, подтянутый, небольшого роста генерал поражал своей неистощимой энергией и смелостью решений.

3-й воздушной армией командовал многоопытный авиационный военачальник генерал Н. Ф. Папивин.

1-й танковый корпус возглавлял испытанный в боях генерал В. В. Бутков.

Стрелковыми корпусами и дивизиями также командовали умудренные боевым опытом генералы и офицеры.

Все первые двадцать дней июня штабы и войска напряженно готовились к наступлению. Отлично справились со своей задачей разведчи-

ки фронта. К началу операции мы имели точные сведения о составе 16-й армии группы армий «Север» и 3-й танковой армии группы армий «Центр», оборонявшихся перед нами.

Было установлено, что противник в полосе предстоящего наступления фронта располагает двенадцатью дивизиями, двумя дивизионными группами, десятью отдельными охранными полками и свыше сорока батальонами различного назначения. В первом эшелоне оборонялись пять пехотных, одна авиаполевая дивизии и две дивизионные группы; остальные силы эшелонировались в глубину. Основная часть этих войск группировалась в районе Полоцк-Лепель-Глубокое (70 километров северо-западнее Лепеля). Большая часть резервов 3-й танковой армии также находилась в полосе наступления нашего фронта.

Вражеские войска опирались на весьма развитую, преимущественно сплошную траншейную, глубоко эшелонированную оборону, готовившуюся в течение многих месяцев. Кроме второй оборонительной полосы в глубине противник подготовил рубежи по левому берегу Западной Двины и по линиям Полоцк, Лепель и Двинск (Даугавпилс), озеро Нарочь.

Особенно сильно в инженерном отношении были укреплены Витебск и Полоцк. Насыщенные большим количеством долговременных сооружений, они представляли собой своеобразные крепости, удерживать которые Гитлер приказал любой ценой.

Командованию фронта стало известно, что стык двух групп фашистских армий проходил северо-западнее Витебска. Именно здесь и был намечен наш главный удар.

Много бессонных ночей просидели мы с начальником штаба генералом Курасовым над планом операции, ломая голову над различными проблемами. Перед нами было столько «подводных камней», о которые намеряка мог бы разбиться наш наступательный корабль, если не принять надлежащих мер. Не только оборона гитлеровцев, но и сама местность, невыгодная для наступающих, доставляла немало забот. Особенно тревожила Западная Двина, которую войска фронта должны были форсировать в ходе наступления, а также район между Полоцком и Лепелем, сильно пересеченный лесисто-болотистыми массивами, с многочисленными дефиле и весьма ограниченной сетью дорог.

По установившимся к тому времени взглядам, прочную оборону противника обычно прорывали на сравнительно узком участке (в среднем от 5 до 7 километров на армию). Но болотистая местность перед нашим фронтом требовала внесения корректив. Если определить участки шириной, скажем, 7 километров, то эта и без того узкая полоска земли практически сужалась бы еще болотами. Поэтому не представлялось возможным сосредоточить здесь необходимые для прорыва силы и средства. Кроме того, до предела ограничивалась бы свобода маневра наступающих. Учитывая все это, командование фронта после повторного тщательного изучения местности решило значительно расширить участок прорыва, доведя его до 25 километров на две армии.

Главный удар наносился смежными флангами 6-й гвардейской и 43-й армий в общем направлении на Сиротино, Шумилино, Бешенковичи, Лепель. Ближайшая задача—во взаимодействии с 39-й армией 3-го Белорусского фронта частью сил окружить и уничтожить витебскую группировку противника; главными силами с ходу форсировать Западную Двину и овладеть плацдармом на ее левом берегу. В дальнейшем имелось в виду разгромить лепельскую группировку гитлеровцев, развивать наступление главными силами в направлении на Свенцяны, а остальными окружить и уничтожить полоцкую группировку.

К участию в прорыве привлекались четыре стрелковых корпуса 6-й гвардейской армии и два—43-й, а также 3-я воздушная армия, все резервы и танковый корпус. Таким образом, мы решили сосредоточить к участку прорыва, составлявшего по протяженности лишь 15 процентов всей полосы действий фронта, 75 процентов стрелковых дивизий, все танковые, самоходно-артиллерийские части и свыше 85 процентов артиллерии.

Массирование сил и средств на участке прорыва обеспечило здесь подавляющее превосходство над противником. Ударная группировка фронта превосходила противника в людях в 3 раза, в артиллерии, танках и авиации—в 3—6 раз.

Николай Михайлович Хлебников, смеясь, сострил по этому поводу:

—Сам старик Эпаминонд¹ возрадовался бы такому яркому подтверждению живучести рожденного его гениальной головой блестящего принципа военного искусства.

На остальном 135-километровом участке фронта мы оставили всего одну четвертую часть стрелковых дивизий, части одного укрепленного района и стрелковую бригаду. Но даже из этих, более чем скромных, сил генералы Малышев (4-я ударная армия) и Белобородов (43-я армия) сумели создать два увесистых «кулака» для удара по фашистам.

Выбор направления главного удара оказался, как свидетельствовал потом сам ход наступления, исключительно удачным. Противник сосредоточил свои основные усилия на удержание районов Полоцка и Витебска, а удар последовал в промежутке между ними, там, где враг меньше всего ожидал.

Командование фронта делало все, чтобы наступление наших войск оказалось внезапным для фашистов. И оно стало таким.

Выполняя указания командования фронта, наш штаб под руководством генерала В. В. Курасова сумел не только разработать план операции, четко спланировать большую перегруппировку войск, подготовить в инженерном отношении исходное положение войск для наступления, организовать своевременный и четкий выход войск ударной группы в назначенные районы и рубежи, но и обеспечить скрытное осуществление всех этих мероприятий от наземной и воздушной разведки противника.

¹ Древнегреческий полководец, первым применивший принцип максимального сосредоточения сил на одном направлении для нанесения таранного удара

Этого не мог скрыть впоследствии видный участник битвы в Белоруссии гитлеровский генерал К. Типпельскирх. «Особенно неприятным,—пишет он,—было наступление северо-западнее Витебска, так как оно, в отличие от ударов на остальном фронте, явилось полной неожиданностью»².

Славному боевому соратнику В. И. Чапаева генералу Н. М. Хлебникову и его штабу не только удалось скрытно и своевременно сосредоточить к участку прорыва около 4 тысяч орудий и минометов, но и весьма эффективно спланировать мощное подавление всей системы обороны противника во взаимодействии с фронтовой авиацией. Особенно четко действовали в период подготовки операции гвардейские минометчики под командованием генерала Бажанова.

Усилиями неутомимого, оперативно и технически грамотного командующего бронетанковыми войсками фронта генерал-лейтенанта танковых войск Скорнякова танковые и самоходно-артиллерийские части и соединения своевременно и организованно заняли свои районы сосредоточения и исходные позиции.

Блестяще справились со своими задачами командующий 3-й воздушной армией генерал-лейтенант Н. Ф. Паппвин, опиравшийся на хорошо сколоченный штаб во главе с исключительно скромным и работоспособным генералом Н. П. Дагаевым, а также начальник инженерных войск генерал-лейтенант В. В. Косырев, начальник войск связи генерал-майор Д. М. Бабкин. Большой важности работу по тыловому обеспечению войск провел штаб и все службы тыла во главе с начальником тыла фронта генерал-лейтенантом Д. И. Андреевым. К началу операции обеспеченность войск фронта была досеждена: по боеприпасам—до 4,2 боекомплекта; по дизельному топливу—7,6, авиакеросину—9,2 и автокеросину—4,1 заправки; по продовольствию—16—22 суточ.

От организаторской деятельности перечисленных генералов, от их совокупных усилий целиком зависел успех предстоящего наступления. И надо сказать, что все они полностью справились с возложенными на них задачами.

Огромный вклад в подготовку победы внесли наши партийно-политические работники во главе с членом Военного совета генерал-лейтенантом Д. С. Леоновым, которого я всегда считал образцом политического работника. Партийно-политическая работа в войсках носила четкую идейную направленность и конкретность, благодаря чему к началу операции бойцы, командиры и политработники жили одним стремлением—поскорее ударить по врагу.

Активно трудился большой отряд агитаторов из числа наиболее авторитетных, прославившихся в боях воинов. Только в одной 6-й гвардейской армии агитаторов было свыше 2,5 тысяч человек, из них 86 процентов—коммунисты и комсомольцы, 64 процента—награжденные орденами и медалями.

² К. Типпельскирх, История второй мировой войны, М., Изд-во иностранной литературы, 1956, стр. 443.

Простым и доходчивым словом рисовали они малообстрелянным бойцам картину предстоящих боев. Сохранилась запись беседы одного из бывалых солдат 210-го гвардейского полка Сафронова. Обращаясь к молодым воинам, он говорил: «Бой—это такая штука, где душу человека видно насквозь. Если заколебался в бою—конец тебе. Мы, пехота, должны помнить: артиллерийский обстрел—это половина дела; венец всему—рукопашная схватка. Выходит, мы, пехотинцы, венчаем бой и закрепляем успех. Поэтому мы должны отлично владеть своим оружием, быть смелыми, дерзкими и умелыми воинами. Рукопашный бой короткий, и победителем из него выходит тот, кто не только знает технику боя: умеет стрелять, владеет штыком и гранатой, лопатой, но и у кого нервы крепче. Смелый всегда побеждает. Фашисты боятся смелых, а напуганный враг—наполовину побежден».

С большим вниманием слушали такие бесхитростные рассказы молодые бойцы, и чувствовалось, что они до глубины души трогают их.

Накануне наступления во всех частях прошли короткие митинги с выносом боевых знамен. Высокий боевой накал ощущался в выступлениях бойцов. Наиболее яркие выступления распространялись потом в виде листовок среди личного состава дивизий. И они долго не забывались. Запись взволновавшего меня выступления ветерана войны сержанта Щевелева я храню до сих пор как дорогое воспоминание о своих боевых соратниках.

«—Я люблю свою Родину,—горячо говорил на митинге сержант Щевелев,—защищаю ее, не жалея сил и крови, а если нужно, не пожалею и самой жизни. Фашистский зверь ранен, но еще не добит. Его надо добить в собственной берлоге. Чем скорее мы это сделаем, тем лучше. Лично я и мое отделение к этому готовы».

Знакомясь с содержанием этих листовок, я чувствовал, что словно сам нахожусь на этих воодушевляющих митингах, слушаю волнующие выступления бойцов. Как хорошо, когда бойцы и командиры живут едиными мыслями, объаты общим порывом—нещадно бить врага!

Там, где нельзя было собраться на митинг в масштабе части, собирались поротно, повзводно. Командир роты капитан Спех, рассказав внимательно слушавшим его воинам о предстоящей боевой задаче, с волнением воскликнул:

—Поклянемся, дорогие товарищи, что мы честно выполним свой долг!

Бойцы в один голос ответили:

—Клянемся!

Эта рота отлично проявила себя в последующих боях.

Особенно мне запомнился митинг, на котором присутствовали воины прибывшего в 6-ю гвардейскую армию пополнения. Слезы вызвали полные гнева слова одного из молодых солдат:

—Я сам видел,—говорил он,—как фашисты живьем зарывали в землю и взрослых, и детей. Жутко было видеть и слышать, когда засыпали их землей. Дети кричали из ямы: «Мама!. Мамочка!». Я никогда

до конца жизни не позабуду этого. И вот теперь я имею оружие. Мне вручила его Родина, чтобы я мог покарать фашистских людоедов за смерть невинных людей. И я буду карать их беспощадно. К этому я призываю всех вас, дорогие товарищи по оружию!

Вслед за ним на импровизированную трибуну вскочил сержант Лисовой. Слезы текли по щекам старого воина, когда он с болью в голосе рассказывал:

—Моих родителей—отца и мать—фашисты живыми сожгли на костре. Над сестрой надругались и расстреляли. Кровь замученных вопиет о возмездии. Я до последнего вздоха буду мстить извергам. Я сделаю все, чтобы фашистские бандиты почувствовали силу моей ненависти. Но я прошу вас, дорогие товарищи бойцы, сержанты и офицеры, всех вас прошу, поддержите меня в этом справедливом деле.

Эти выступления воспламеняли сердца людей лютой ненавистью к врагу. И все воины фронта, от солдата до генерала, с нетерпением ждали того часа, когда можно будет схватить ненавистного врага за горло.

Немало волнения вызвала у нас весть о приезде на фронт представителя Ставки Верховного Главнокомандования Маршала Советского Союза А. М. Василевского. В каждой части бойцы думали: именно к ним-то товарищ Василевский наверняка заглянет. Ну и, конечно, с еще большим старанием готовились к боям.

Александр Михайлович действительно побывал в частях, но больше всего тормозил он нас—командующих и штабы, дотошно стараясь вникнуть во все детали плана предстоящего наступления и готовности войск.

Готовностью войск он остался доволен, а план прорыва ему сначала не совсем пришелся по душе. Он считал, что мы наметили слишком широкий участок для прорыва. Но, внимательно выслушав наши доводы, оценив создавшуюся обстановку, Александр Михайлович разрешил ничего в плане не менять.

Нетрудно себе представить, с каким внутренним волнением после этого мы стали ожидать наступления. А тут как назло прошли проливные дожди, которые в условиях Белоруссии, где влаги хватало и так, являлись настоящим бедствием для наступающих. К счастью, накануне операции дожди прекратились, погода стала налаживаться.

Нужно сказать, что у нас не было полной уверенности в том, что нам удалось обмануть противника, и поэтому мы основательно опасались, что фашистское командование, догадавшись о готовящемся ударе, отведет свои главные силы в глубь обороны, оставив впереди только прикрытие.

Чтобы не попасть в ловушку и не распылять драгоценные боеприпасы попусту, мы решили прошупать врага силами только разведывательных отрядов—передовых батальонов, выделенных от всех дивизий первого эшелона.

2. За каждую пядь—жестокий бой

22 июня, когда чуть заалел восток, я с группой командиров прибыл на свой наблюдательный пункт, чтобы непосредственно на месте следить за действиями разведывательных отрядов. Из-за тумана местность просматривалась плохо. Но вот из-за горизонта прорвалось солнце, и туман начал медленно рассеиваться.

22 июня... Ровно три года назад фашистские полчища вторглись в пределы нашей Советской Родины. Тогда они наступали нагло, самоуверенно. Сейчас они в обороне, пытаются отсидеться. Наша мощь многократно возросла. Мы уже отогнали фашистов далеко на запад, мы подготовились теперь к тому, чтобы вышвырнуть их из пределов нашего Отечества.

К 5 часам видимость была уже сносной. Я оглянулся на нетерпеливо посматривавшего на меня командующего артиллерией Н. М. Хлебникова и негромко сказал:

—Пора начинать. Подавайте команду для открытия огня!

Николай Михайлович немедленно подал условный сигнал.

Ровно в 5 часов раздались залпы нашей артиллерии. На 16-й минуте канонада достигла апогея. Генералы Чистяков и Белобородов доложили: батальоны пошли в атаку.

Противник молчал. Что это—то ли нам удалось застать его врасплох, то ли он готовит нам сюрприз? Однако вскоре со стороны переднего края обороны гитлеровцев раздались первые пулеметные очереди, послышались завывания шестиствольных минометов. Огонь все нарастал, и по его интенсивности мы поняли, что главные силы врага находятся на прежнем месте.

Признаться, в то время и в штабе фронта и в войсках было немало противников проведения разведки боем силами передовых батальонов накануне общего наступления. Поэтому вначале некоторые генералы и офицеры стали сомневаться в успехе. Высказывалось даже мнение, что начавшиеся боевые действия раскроют обороняющимся наши планы. Я был глубоко убежден в обратном, однако подобные разговоры влияли отнюдь не успокаивающе, и поэтому я с облегчением вздохнул, когда через час в телефонной трубке послышался радостный голос командующего 6-й гвардейской армией:

—Товарищ командующий! Бойцы Ручкина³ ворвались на первую позицию и громят фашистов в трех опорных пунктах. Захвачены пленные.

Через некоторое время первые пленные были доставлены на наблюдательный пункт. Допрос их подтвердил имевшиеся у нас данные о группировке врага и начертании рубежей его обороны. Пленные заявили, что артиллерийский налет и последовавшую за ним атаку передовых батальонов они приняли за начало наступления советских войск.

³ Генерал А. И. Ручкин, командир 22-го гвардейского стрелкового корпуса.

Минут через десять генерал Белобородов доложил, что и на его участке батальонам 1-го стрелкового корпуса генерала Н. А. Васильева удалось ворваться в первую траншею противника.

К 8 часам утра гитлеровцы оправились от ударов. На нашем наблюдательном пункте непрерывно звонили телефоны. То один, то другой командарм докладывал о новых контратаках тактических резервов врага. Разгорелся ожесточенный огневой бой за первую оборонительную позицию. То там, то здесь он переходил в яростные рукопашные схватки.

На правом фланге участка прорыва противник все же не смог устоять. И тогда командир 22-го гвардейского стрелкового корпуса неизменно спокойный генерал Архип Иванович Ручкин, видя, что вражеская оборона серьезно нарушена, смело ввел в бой свежие батальоны из состава главных сил. Это и решило успех. Фашисты начали в беспорядке отходить. Преследуя их, батальоны генерала Ручкина вклинились в расположение противника на глубину от 4 до 7 километров. Первая полоса обороны гитлеровцев в некоторых местах оказалась прорванной.

На участках корпусов генералов А. Н. Ермакова⁴ и Н. А. Васильева бой к концу дня затих на первой позиции. Противники словно замерли в смертельном объятии, не отпуская друг друга.

Стало темнеть. Враг не ослаблял сопротивления. Не только огнем, но и контратаками он стремился выбить наши вклинившиеся подразделения. Командование фронта понимало, что такой активностью противник может замаскировать отвод своих основных сил на подготовленные позиции в глубине обороны. Чтобы не допустить этого, мы двинули вперед подготовленные для ночного боя подразделения, которые в течение всей ночи держали врага, что называется, за горло. А в это время его боевые порядки подвергались непрерывным ударам наших ночных бомбардировщиков (самолеты По-2).

К утру 23 июня начальник разведки полковник А. Хлебов доложил мне, что на отдельных участках прорыва фашистские солдаты стали покидать занимаемые позиции. Перед нами снова встала дилемма: начинать запланированную артиллерийскую подготовку или, воспользовавшись растерянностью противника, немедленно ударить всеми силами, поддерживав их массированным огнем артиллерии и авиации?

В 4 часа утра, оценив обстановку, мы решили проводить артиллерийскую подготовку только на тех участках, где оборона гитлеровцев не нарушена, а там, где наши войска вторглись в расположение врага, не теряя времени начать атаку при поддержке огня артиллерии и ударов штурмовой авиации с воздуха.

В 6 часов утра генерал Чистяков доложил, что его 22-й и 23-й гвардейские стрелковые корпуса при поддержке массированного огня артиллерии и штурмовой авиации пошли в атаку.

Часом позднее позвонил генерал Белобородов:

⁴ Командир 23-го гвардейского стрелкового корпуса.

—Васильев и Лютиков⁵ после мощной авиационной и артиллерийской подготовки начали атаку и успешно продвигаются вперед.

Через три часа генерал Чистяков донес, что главный узел сопротивления противника в центре участка прорыва—Сиротино—под ударами частей 23-го гвардейского стрелкового корпуса и при поддержке правофланговых дивизий 43-й армии пал.

—Ну все, кажется, идет по плану,—радостно произнес генерал В. В. Курасов

Однако успокаиваться не приходилось. С подходом наступающих войск к железной и шоссейной дорогам, связывающим Полоцк и Витебск, упорство гитлеровцев возросло. Продвижение наших частей замедлилось. Каждая деревушка, каждая высота, каждая пядь земли доставалась им в результате ожесточенного боя.

Я приказал командующим воздушной армией и артиллерией фронта максимально усилить удары по противнику, закрепившемуся на второй (тыловой) оборонительной полосе. Одновременно распорядился выдвинуть для ввода в прорыв 1-й танковый корпус генерал-лейтенанта В. В. Буткова.

Бойцы и командиры наступавших частей были широко оповещены о большом значении для хода всей операции быстрого прорыва второй оборонительной полосы. По подразделениям мгновенно распространились листовки «молнии». В них говорилось: фашисты пытаются удержать линии железной и шоссейной дорог Витебск—Полоцк, чтобы увести свою живую силу и технику, надо им не дать уйти, надо перерезать врагу пути отхода.

Эти обращения сыграли большую мобилизующую роль. Зная важность задачи, воины действовали стремительно, смело.

Наиболее ожесточенный бой разгорелся за крупный опорный пункт противника Шумилино. Здесь, как и при овладении Сиротино, фашисты были буквально ошеломлены метким и точным шквальным огнем реактивной артиллерии генерала Бажанова.

При поддержке артиллерии левофланговые соединения 23-го гвардейского стрелкового корпуса и части 306-й стрелковой дивизии (1-й стрелковый корпус) генерала М. И. Кучерявенко атаковали этот мощный узел вражеской обороны с трех сторон. Однако фашисты продолжали упорно сопротивляться.

Первая трещина в обороне гитлеровцев появилась на участке 935-го стрелкового полка. Первые атаки его подразделений, наступавших на Шумилино с востока, были отбиты. Тогда полковые артиллеристы на руках выкатили свои орудия в боевые порядки пехоты и ударили прямой наводкой по вражеским дзотам. Огонь противника сразу же резко ослаб. И как раз в это время произошло волнующее событие. Над одним из наиболее высоких домов в тылу врага взвился и заколыхался на ветру

⁵ Генерал-майор А. С. Лютиков—командир 60-го стрелкового корпуса 43-й армии.

красный флаг. Воины, как по команде, вскочили и с криком «ура!» бросились вперед. Их уже ничто не могло остановить.

После боя выяснилось, что в Шумилино незаметно просочилась группа бойцов во главе с сержантом Сахатовым. Отчаянный сержант проник на крышу дома и привязал к трубе красный флаг. Это вызвало огромную панику среди фашистов. Им показалось, что советские войска уже у них в тылу.

Повсюду так же самоотверженно и умело сражались наши воины. Поэтому и на второй оборонительной полосе противник не выдержал яростных атак. Он в панике отступал к Западной Двине. Гитлеровцев громила с воздуха наша штурмовая авиация.

Преследуя врага, войска 6-й гвардейской и 43-й армий к исходу первого дня наступления на направлении главного удара продвинулись на 15—18 километров и полностью прорвали тактическую оборону противника. На очереди была Западная Двина. Эта река к югу от Полоцка является мощной водной преградой. Нашим передовым частям оставалось пройти до нее всего 18—20 километров.

Собравшись на командном пункте, мы с генералами Курасовым, Хлебниковым, Папивиным и Скорняковым напряженно думали о том, как предупредить гитлеровцев в выходе на этот рубеж. Было над чем задуматься. Только что начальник штаба воздушной армии генерал-майор Н. П. Дагаев доложил, что летчики обнаружили движение к реке с юго-запада многочисленных колонн противника. Да и отходящие фашистские части, если бы им удалось оторваться от нас и переправиться за реку, могли надолго задерживать наступающих.

Мелькнула мысль: ускорить ввод танкового корпуса генерала Буткова.

—Куда сейчас вышли его передовые части?—спрашиваю у начальника штаба.

Генерал Курасов моментально отвечает:

—Передовые отряды генерала Буткова находятся в боевых порядках стрелковых дивизий, а главные силы отстали. Вот Федор Николаевич,—Курасов кивнул в сторону стоявшего рядом начальника оперативного управления генерала Ф. Н. Бобкова,—говорит, что колесные машины еле тащатся по непролазной грязи. Даже танки с трудом идут.

После недолгого раздумья прихожу к выводу: вводить сейчас корпус неразумно—придется освободить ему и без того малочисленные дороги, а это сразу же затормозит продвижение успешно наступающих стрелковых дивизий и задержит переправочные средства. Кроме того, выход танковых частей к реке ничего не даст; форсировать водную преграду до подхода пехоты они не смогут. Принимаю решение: внести поправку в план наступления—танковый корпус не вводить, а принять все меры к тому, чтобы стрелковые соединения ускорили темп наступления, не задерживаясь даже ночью. А как только они захватят плацдарм на Западной Двине, начать переправу танкового корпуса.

Генералам Белобородову и Чистякову немедленно были отданы приказания—ночью продолжать наступление передовыми частями стрелковых соединений и к утру 24 июня захватить плацдармы на противоположном берегу Западной Двины. Представляя себе, какая суматоха творится сейчас на дорогах, я предупредил командующих армиями, чтобы они взяли под личный контроль своевременный вывод к реке переправочных средств.

Всю ночь ни на час не пришлось сомкнуть глаз. Отовсюду шли тревожные донесения: в кромешной тьме на дорогах образуются «пробки», машины буксуют, тяжелые переправочные средства приходится тянуть буквально на руках. К тому же на пути попадаются отходящие группы гитлеровцев и надо успевать расправляться с ними.

Вот когда я особенно остро почувствовал, как необходимы штатные дорожно-комендантские части. Дело в том, что службу регулирования осуществляли у нас строевые части, выделенные армиями. Едва их соединения проходили—подразделения, регулировавшие движение, снимались и пускались вдогонку за своими частями. Как будут идти следом другие—их уже не интересовало. А будь у нас специальные дорожно-комендантские части, они регулировали бы движение всех войск и, конечно, порядка было бы больше. Но поскольку их не имелось, пришлось, скрепя сердце, потребовать от командармов выделить регулировщиков за счет боевых частей.

В 12 часов дня 24 июня Иван Михайлович Чистяков радостно доложил:

—Орлы генерала Ермакова черепают воду из Западной Двины!

—Отлично,—отвечаю,—а плацдарм захватили?

—Захватили, товарищ командующий, не напрасно столько трудился

Да, к форсированию реки части готовились тщательно. Учились преодолевать водные преграды не только на табельных, но и на подручных средствах. И вот, несмотря на то, что переправочные средства и артиллерия застряли в дороге, вышедшие к Западной Двине подразделения без промедления приступили к форсированию реки. Первым с ходу начал переправу учебный батальон 67-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора А. И. Баксова.

Командир батальона капитан Украдыженко связался со скрывавшимися в лесу жителями деревни Буй—Глушником, Якутой, Глушневым и Скобовой, которые не только указали наиболее удобные для переправы места, но и приняли активное участие в перевозке бойцов на лодках и плотках.

Первой на вражеский берег высадились группа смельчаков, состоявшая из коммунистов и комсомольцев. Возглавляли группу старшие лейтенанты Вербицкий, Котляр и лейтенант Александров. Отважные пулеметчики Герасименко, Трифонов, Хмельницкий и Иванишко сумели благополучно переправить свои станковые пулеметы. Они установили их на самодельные плотки, а затем, захватив с собой конец кабеля, под-

огнем противника вплавь переправились через Западную Двину и подтянули плотники. Пулеметчики помогли группе смельчаков отразить контратаку фашистов и прикрыть огнем переправу главных сил батальона. Через час весь учебный батальон находился уже на противоположном берегу.

Коммунисты и комсомольцы были душой этой блестящей переправы. Вот красноречивые цифры: из 16 человек, представленных в этом батальоне к званию Героя Советского Союза, 10 были коммунистами, а остальные почти все комсомольцами.

Горячо поздравив генерала Чистякова с удачным началом, я потребовал ускорить форсирование Западной Двины, пока противник не опомнился. Командарм заверил, что все уже делается: в прибрежных деревнях собираются лодки, вяжутся плоты из бочек и бревен.

Я поинтересовался, как идут дела в 22-м гвардейском и 103-м стрелковом корпусах. Командарм доложил, что соединения генерала Ручкина (22-й гвардейский стрелковый корпус) успешно продвигаются на полоцком направлении, а главные силы генерала И. Ф. Федюнкина (103-й стрелковый корпус) увязли в мелких стычках с отходящим противником в болотистых лесах северо-восточнее Улла; передовые части корпуса находятся в 5—6 километрах от реки.

Я приказал передать генералу Федюнкину категорическое требование не ввязываться в лесные бои, немедленно прорываться к Западной Двине и захватить плацдарм в районе Улла. Выслушав меня, генерал Чистяков сказал, что он сейчас же выедет в район уже начавшегося форсирования, а начальника штаба армии генерала В. А. Пеньковского направит в 103-й стрелковый корпус, чтобы «протолкнуть» его к реке. Я высоко ценил этого исключительно энергичного генерала и поэтому несколько успокоился за дальнейший ход боевых действий в 103-м стрелковом корпусе.

И все же меня не покидало беспокойство. Для этого были серьезные основания. Ведь настал момент, когда решалась судьба операции. Я уже говорил, что, если бы мы не успели быстро переправиться через Западную Двину, противник сумел бы основательно закрепиться на ней, и тогда длительная остановка оказалась бы неизбежной. А это было чрезвычайно опасными последствиями. Задержка войск 1-го Прибалтийского фронта поставила бы в трудное положение войска 3-го Белорусского фронта, успешно наступавшие на минском направлении навстречу войскам 1-го Белорусского фронта с целью окружения главных сил 4-й немецкой армии восточнее Минска.

Разобравшись в положении дел в 6-й гвардейской армии, я переключил свое внимание на левофланговую, 43-ю армию, которая 1-м и 60-м корпусами успешно развивала наступление в обход *Витебска* с северо-запада. По последним данным, передовые части этой армии находились уже на подступах к Западной Двине, северо-восточнее Бешенковичей. Связаться с генералом Белобородовым мне не удалось—он выехал в 60-й стрелковый корпус, чтобы на месте проконтролировать организа-

цию форсирования реки с ходу. Я приказал начальнику штаба генерал-майору Ф. Ф. Масленникову передать командующему, что жду немедленного доклада о ходе форсирования.

В это время позвонил Маршал Советского Союза А. М. Василевский. Выслушав мою информацию о положении войск, он предупредил:

—Учтите, Иван Христофорович, что сейчас важнее всего успеть переправиться через Западную Двину правофланговыми соединениями генерала Белобородова. Именно от этого будет зависеть исход окружения витебской группировки. Соединения генерала Людникова⁶ уже обошли Витебск с юго-востока и устремились на Гнездиловичи. Мы имеем сведения, что фашистское командование уже второй раз обратилось к Гитлеру с просьбой разрешить отход из витебского «мешка», пока советские войска не завязали его. Но не Гитлер, а мы должны решить судьбу этой группировки. В любом случае нужно не выпустить фашистов. Это зависит от быстрых действий товарища Белобородова. Окажите ему помощь и добейтесь, чтобы его войска к исходу дня не только были на том берегу, но и соединились с войсками товарища Людникова.

После разговора с Маршалом Советского Союза А. М. Василевским мне удалось, наконец, связаться с командующим 43-й армией. Генерал Белобородов доложил, что наступление развивается успешно: передовые части 1-го и 60-го стрелковых корпусов прорвались к реке северо-восточнее Бешенковичей и начали форсирование реки с ходу, несмотря на то, что артиллерия и тяжелые переправочные средства отстали. Части 92-го стрелкового корпуса ворвались на северо-западную окраину Витебска.

Рассказав командарму о разговоре с А. М. Василевским, я предупредил, что завтра в первой половине дня нужно во что бы то ни стало соединиться с войсками 39-й армии и замкнуть кольцо окружения вокруг витебской группировки. Я сказал также, что временное отсутствие артиллерии мы восполним на первых порах выделением армии основных сил авиации. Командарм заверил, что завтра его войска выйдут в район Гнездиловичей навстречу 39-й армии.

До конца дня я внимательно следил за ходом событий в районах начавшегося форсирования реки севернее и северо-восточнее Бешенковичей. События там разворачивались примерно в такой последовательности. За учебным батальоном 67-й гвардейской стрелковой дивизии, о котором я уже говорил выше, к реке подошел 201-й гвардейский стрелковый полк, которым командовал подполковник Иноземцев. И он блестяще осуществил форсирование. Первыми реку преодолели разведчики капитана Прохорова и 25 бойцов во главе со старшим лейтенантом Турушевым.

Закреплению плацдарма способствовала быстрая переправа противотанкового дивизиона майора Лященко. Артиллеристы приняли на себя основную тяжесть первых танковых контратак противника. Столь же стремительно форсировали Западную Двину части 71-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора И. П. Сивакова.

⁶ Командующий 39-й армией 3-го Белорусского фронта

Захваченный дивизиями 23-го гвардейского стрелкового корпуса плацдарм был удержан и расширен, несмотря на непрерывные контратаки врага, пытавшегося сбросить наши войска в реку. О том, какой ожесточенный характер приняли бои на этом участке, свидетельствует тот факт, что только за один день 25 июня войнам 199-го гвардейского стрелкового полка 67-й гвардейской стрелковой дивизии пришлось отразить 10 контратак пехоты противника, поддержанной танками. Наши артиллеристы и пехотинцы смело вступали в единоборство с фашистскими танками. Особенно отличился командир стрелковой роты 219-го гвардейского стрелкового полка 71-й гвардейской стрелковой дивизии старший лейтенант Курзанов. Он лично уничтожил два танка и одно артиллерийское самоходное орудие противника. Много новых героев родилось в этих жестоких боях на левом берегу Западной Двины.

Однако не везде наступление развивалось успешно. Неудача постигла моего старого боевого товарища генерал-майора И. Ф. Федюнкина. Соединения его 103-го стрелкового корпуса, наступавшие на стыке между 22-м и 23-м гвардейскими стрелковыми корпусами, хотя и прорвались к Западной Двине в районе Улла, но форсировать ее с ходу не сумели.

О боевых достоинствах Ивана Федоровича Федюнкина я был весьма высокого мнения. Поэтому меня удивила постигшая его неудача. В чем же заключались ее главные причины?

Иногда в годы войны некоторые командиры в оправдание своих упущений выдвигали массу объективных причин: то местность трудная, то метеорологические условия плохие, то противник слишком силен и т. п. И на этот раз имелись, конечно, свои неблагоприятные обстоятельства. Но дело было не только в них.

Неудача с форсированием объяснялась в первую очередь тем, что управление войсками в период преследования противника после успешного прорыва его тактической зоны обороны оказалось не на должной высоте. В результате наступающие потеряли из виду поспешно отходившего врага. Пока передовые части 103-го стрелкового корпуса преодолевали болотистую полосу местности на подступах к Западной Двине, гитлеровцы сумели оторваться и прочно закрепиться на левом берегу реки. Полки первого эшелона 270-й стрелковой дивизии вышли к Западной Двине неорганизованно. Значительная часть сил дивизии была скована боями по ликвидации застрявших в населенных пунктах разрозненных групп гитлеровцев. Артиллерия отстала. Попытки подошедших подразделений переправиться через реку без артиллерийской поддержки оказались безуспешными.

Таким образом, организованность, внезапность и стремительность — эти главные факторы успеха при форсировании водных преград с ходу — отсутствовали.

Нужно было принимать срочные меры, чтобы выправить положение, ускорить преодоление Западной Двины в районе Улла. Я приказал командарму: подтянуть к реке основные силы 103-го стрелкового корпуса, и прежде всего артиллерию и табельные переправочные средства;

для огневой поддержки войск поставить на прямую наводку часть артиллерии, в том числе и часть орудий 46-й зенитно-артиллерийской дивизии РВГК⁷, подготовить как можно больше плотов.

Не успел я закончить переговоры с генералом Чистяковым, как позвонил командующий 43-й армией. По веселому тону юношески звонкого голоса генерала Белобородова я догадался: все в порядке. Действительно, передовые части обеих наступавших корпусов его армии успешно форсировали Западную Двину в районах Вяжище и Гнездиловичи.

Находившийся в районе форсирования заместитель начальника штаба 43-й армии полковник В. В. Турантаев, сам слывший храбрым офицером, после возвращения на командный пункт армии с восторгом рассказывал об исключительно высоком боевом порыве всех бойцов и командиров, начавших форсирование реки под ураганным огнем противника.

Успех войск генерала Белобородова чрезвычайно порадовал меня. Теперь между нашими войсками и 39-й армией соседнего фронта был лишь десятикилометровый промежуток и оставалось завязать «мешок», в который попала витебская группировка фашистов. Командарм твердо заверил, что завтра, 25 июня, во второй половине дня его войска во что бы то ни стало соединятся с 39-й армией.

Я хорошо представлял себе всю трудность задачи 43-й армии. Передовые ее части на себе испытывали, как с каждым часом росло сопротивление врага. В оставшемся «коридоре» появлялись все новые и новые части противника, которые пытались расширить этот «коридор». Поэтому я приказал командующему воздушной армией силами одной штурмовой и одной истребительной авиадивизий непрерывно наносить удары с воздуха по прорывающемуся через «коридор» противнику.

Ночь прошла в хлопотах по подтягиванию главных сил армий к реке. Кроме того, не дало уснуть мне и сообщение о трудностях, создавшихся с эвакуацией раненых с захваченных плацдармов. Вдруг гитлеровцам удастся потеснить наши части к реке?! Только под утро, когда организацией эвакуации раненых с плацдармов занялся лично начальник военно-санитарного управления фронта генерал А. И. Бурназян, отличавшийся редкой настойчивостью в достижении поставленной цели и большими организаторскими способностями, я успокоился и, не выдержав, свалился, как убитый, на походную койку.

Уснул мгновенно. Но уже в 8 часов меня разбудили и доложили, что части 246-й пехотной дивизии гитлеровцев, яростно контратакуя, пытаются сбросить в Западную Двину переправившиеся части 60-го стрелкового корпуса и тем создается критическое положение.

Вызвав командующего воздушной армией, я приказал ему немедленно направить против контратакующего врага дивизию штурмовиков. К полудню контратаки были отбиты, а к концу дня дивизии 60-го стрелко-

⁷ Резерв Верховного Главнокомандования.

вого корпуса соединились южнее Гнездиловичей с частями 39-й армии 3-го Белорусского фронта.

Это была победа. В витебском «котле» оказалось свыше пяти дивизий и множество отдельных частей и подразделений 3-й немецкой танковой армии. Общее количество фашистских солдат и офицеров, попавших в это пекло, по нашим подсчетам было более 50 тысяч. К этому времени войска 92-го стрелкового корпуса 43-й армии, ворвавшись в Витебск, очищали от фашистов северо-западную часть города.

Было ясно, что витебская группировка гитлеровцев обречена. У нее оставалось два выхода: или сдаться в плен, или обречь себя на полное уничтожение. Поэтому я приказал генералу Белобородову оставить для участия в ликвидации окруженных лишь часть войск армии, а главными силами развивать успех на Лепель. Представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза А. М. Василевский, одобрив это решение, потребовал от меня развивать наступление на запад всеми силами ударной группировки фронта, не давать противнику использовать подходившие из глубины резервы для организации прочной обороны в полосе многочисленных озер и болотистых речушек на линии Полоцк, Лепель.

К концу 25 июня исход сражения за Западную Двину окончательно определился. 6-я гвардейская армия не только удержала захваченный плацдарм, но и, введя в сражение из второго эшелона армии часть сил 2-го гвардейского стрелкового корпуса, увеличила его до двадцати километров по фронту и до десяти в глубину. Был освобожден крупный населенный пункт на левом берегу Западной Двины—Бешенковичи.

Ставка придавала важное значение результатам боев на Западной Двине. Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин дважды лично звонил мне и спрашивался о ходе форсирования реки.

Особо отличившихся в этих боях воинов командование фронта представило к присвоению звания Героя Советского Союза. Примерно через два дня был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении этого высокого звания 145 бойцам и командирам фронта, в том числе командующим армиями генералам И. М. Чистякову и А. П. Белобородову. Одновременно оба командарма стали генерал-полковниками. Были также повышены в воинском звании начальник штаба генерал-лейтенант В. В. Курасов, командующий артиллерией фронта генерал-лейтенант артиллерии Н. М. Хлебников и командующий 3-й воздушной армией генерал-лейтенант авиации Н. Ф. Папавин.

Но вернемся к боевым действиям. В связи с наступившим резким переломом в ходе операции командование фронта уточнило армиям их дальнейшие задачи. 4-й ударной армии предстояло, используя успех 6-й гвардейской армии, наступать в обход Полоцка с севера. 6-й гвардейской армии—частью сил совместно с 4-й ударной армией окружить и уничтожить полоцкую группировку, а главными силами развивать наступление на Двинск (Даугавпилс)). Главные силы 43-й армии, как я уже упоминал,

нацеливались на Лепель, для захвата которого генералу Белобородову было приказано создать армейскую подвижную группу. Начавшие переправу на захваченный плацдарм части 1-го танкового корпуса я решил направить не на Лепель, как предусматривалось планом, а на Камень и далее на Ушачи, то есть на северо-запад с целью перехвата железной дороги Полоцк—Молодечно.

В последующие дни войска фронта при поддержке штурмовой авиации успешно развивали наступление на полоцком и свенцянском направлениях.

Не более двух суток потребовалось частям 43-й и 39-й армий для ликвидации окруженного в районе Витебска противника. И хотя значительным силам окруженных во главе с генералом Писториусом удалось выскочить из «котла», недолго пришлось им гулять по нашим тылам. 60-й стрелковый корпус генерала А. С. Люхтикова настиг их и ликвидировал. В этих боях отличился заместитель командира корпуса по политической части полковник С. П. Васягин.

А в это время 1-й стрелковый корпус и подвижная группа 43-й армии стремительно наступали на Лепель, на подступах к которому разгорелся ожесточенный бой. И снова бойцы и командиры проявили исключительный героизм. Когда обойденные фашистские части, пытавшиеся пробиться на Лепель, яростно атаковали с тыла войска 1-го стрелкового корпуса, наши воины, наступавшие вдоль шоссе Витебск—Лепель, встали на пути гитлеровцев и стояли, что называется, насмерть.

Эффективную поддержку пехоте оказали летчики генерала Папивна. Они превратили шоссе Витебск—Лепель из дороги отступления в «дорогу смерти», как называли ее пленные немцы. Действительно, все шоссе от Камня до Лепеля представляло сплошное кладбище фашистской техники, трупов вражеских солдат и офицеров.

Разгромив прорывавшиеся с востока на запад группы противника, части 1-го стрелкового корпуса и армейской подвижной группы с ходу ворвались в Лепель и к исходу 28 июня полностью очистили его от фашистской нечисти.

Неуемная ярость наполнила сердца воинов 43-й армии, когда они узнали, что в фашистском концлагере, в Лепеле, гитлеровцы погубили около 40 тысяч наших людей.

Сбивая противника, цеплявшегося за каждую речушку, за каждый населенный пункт, войска фронта настойчиво продвигались вперед. Врагу так и не удалось остановить наступающих даже на линии бесчисленных озер между Полоцком и Лепелем.

В этой обстановке Ставка Верховного Главнокомандования приказала войскам фронта главными силами продолжать наступление в западном направлении, а частью сил ударить на Полоцк и овладеть этим сильным узлом сопротивления и важным опорным пунктом противника в обороне его группы армией «Север».

В последующие 6 дней операции, т. е. с 29 июня по 4 июля, наиболее ожесточенные бои разгорелись именно за город Полоцк. Если освобож-

ление Витебска открывало нам путь в северную часть Белоруссии, то со взятием Полоцка ликвидировалось бы серьезное препятствие на пути наших войск в южную часть Прибалтики. Поэтому немецко-фашистское командование принимало отчаянные попытки, чтобы удержать Полоцк. На подступах к нему была подготовлена оборонительная полоса под грозным наименованием «Тигр». Полоса озер и болот, на линии которых пролегал этот оборонительный рубеж, в сочетании с широко развитой системой полевых, а местами и долговременных укреплений делала оборонительную систему вокруг Полоцка легко защитимой даже малыми силами. Сам город также был тщательно подготовлен к круговой обороне. Здесь было возведено большое количество долговременных железобетонных огневых точек. Для усиления находившихся в городе войск противник к 25 июня перебросил две пехотные и одну охранную дивизии; всего в районе Полоцка действовало к этому времени около шести дивизий.

В период с 29 июня по 1 июля войска фронта упорно пробивались к Полоцку. Чем ближе подходили наши войска к городу, тем ожесточеннее становилось сопротивление. С приближением к Полоцку полосы наступления корпусов постепенно сужались. Поэтому я приказал генералу И. М. Чистякову вывести 103-й стрелковый корпус и направить его для развития успеха 1-го танкового корпуса вдоль левого берега Западной Двины в общем направлении на Даугавпилс. 4-я ударная армия должна была обходом города с севера обеспечить окружение полоцкого гарнизона фашистских войск. Одновременно я потребовал от командиров 22-го и 23-го гвардейских стрелковых корпусов быстрее прорваться к городу с востока и юга, решительной атакой разгромить противника и овладеть Полоцком.

К исходу 1 июля соединения 22-го гвардейского стрелкового корпуса прорвались к восточной окраине Полоцка, тогда как дивизии 23-го гвардейского стрелкового корпуса все еще вели бои в 8—10 км южнее города, преодолевая ожесточенное сопротивление противника на очень тяжелой для наступления лесисто-болотистой местности. К этому времени соединения 2-го гвардейского стрелкового корпуса 6-й гвардейской армии и войска 43-й армии перерезали железную дорогу Полоцк—Молодечно и вышли на рубеж Германовичи, Плисса, Березино.

За это же время значительный успех был достигнут на фронте 4-й ударной армии. Здесь, в результате ввода переданного армии из резерва Ставки 100-го стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор Д. В. Михайлов, левофланговые соединения армии продвинулись на 20 км, а их передовые части завязали бои на северо-восточной окраине Полоцка.

Весьма успешно действовали в эти дни части 1-го танкового корпуса. Стремительным ударом 29 июня они овладели городом Ушачи и, пройдя по очень трудной местности около 30 км, двумя бригадами (одной мотострелковой и одной танковой) с ходу захватили узел дорог в Ветрино. Ликвидация узла сопротивления противника в Ветрино наши-

ми танкистами облегчила частям 23-го гвардейского стрелкового корпуса форсирование реки Ушачи в районе Заскорки.

159-я танковая бригада танкового корпуса в течение 29 июня и ночи на 30 июня прошла около 45 км и утром 30 июня внезапно для противника ворвалась на улицы города Дисна. Нападение было настолько неожиданным, что противник не сумел оказать организованного сопротивления и поспешно отступил на правый берег Западной Двины, а вслед за ним сумели переправиться с помощью захваченного парома и пашни танкисты, которые заняли и удержали на правом берегу реки небольшой плацдарм. Остальные соединения 1-го танкового корпуса, форсировав с ходу реку Мнюта, ударом с тыла содействовали нашим войскам в захвате важных узлов сопротивления в Лужках и Плиссе.

В обеспечении столь высокого темпа наступления танковых частей в условиях труднопроходимой местности важную роль сыграли местные жители, старавшиеся любыми средствами помочь нашим войскам. Если танковую часть задерживал мощный опорный пункт противника, захватить который с ходу не удавалось, то его обычно обходили. В этом деле местные жители оказались неоценимыми помощниками. Бывшие воины 159-й танковой бригады никогда не забудут жительницу деревни Попки Ветринского района Марию Андреевну Кошук, которая, несмотря на свой весьма преклонный возраст (ей в то время уже пошел восьмой десяток), с радостью вызвалась вывести танкистов в тыл противника. Следуя указаниям славной советской патриотки, наши танкисты стремительно преодолели лесисто-болотистый участок местности и перерезали дорогу отходившим вражеским войскам.

За активную помощь нашим войскам в разгроме фашистских захватчиков Мария Андреевна Кошук была награждена медалью «За боевые заслуги».

А. М. Василевский, видя, что Полоцк отвлекает значительные силы нашего фронта, не оставлял меня в покое. Почти каждый наш разговор в эти дни он заканчивал одной и той же фразой: «А с Полоцком нужно быстрее кончать». Мне и самому хотелось поскорее разделаться с полоцкой группировкой противника.

30 июня я с оперативной группой прибыл в расположение 22-го гвардейского стрелкового корпуса, чтобы увязать тесное взаимодействие соединений 4-й ударной армии, 22-го и 23-го гвардейских стрелковых корпусов, наступавших на Полоцк. Побывав на восточных и юго-восточных подступах к городу, мы пришли к выводу: штурм укрепленного города должен осуществляться одновременно со всех сторон, чтобы не позволить противнику маневрировать силами и средствами. С этой целью было решено возобновить атаки с севера, с востока и юга. При этом внимание командующего 4-й ударной армией и командира 23-го гвардейского стрелкового корпуса было обращено на то, чтобы не допустить отхода противника из Полоцка на северо-запад и запад.

С утра 1 июля дивизии 22-го и 23-го гвардейских стрелковых корпусов перешли в решительную атаку. В течение первых двух дней про-

тивник непрерывно контратаковал. Каждый квадратный метр городской территории наши войска брали с боя. Для поддержки штурма пришлось привлечь значительную часть авиации, и в первую очередь штурмовой. Массированные удары по огневым позициям артиллерии и минометов привели к заметному ослаблению огневой мощи противника и вынудили его прекратить контратаки. Ударами бомбардировочной и штурмовой авиации было прервано всякое движение по железной дороге Даугавпилс—Полоцк, что серьезно затруднило дальнейшую переброску сюда подкреплений.

3 июля наступил перелом в нашу пользу. Уже в первой половине дня части 51-й гвардейской стрелковой дивизии 23-го гвардейского корпуса ворвались на южную окраину города. В это же время соединения 22-го гвардейского стрелкового корпуса вели ожесточенный бой в северо-восточной и восточной части города.

Полоцк, как известно, разделен Западной Двиной на две части. Для успешного завершения ликвидации гарнизона противника необходимо было захватить мосты через реку. С этой целью в каждом соединении для захвата мостов были подготовлены специальные команды, в состав которых включались опытные саперы.

Когда левобережная часть была освобождена, одна такая команда от 51-й гвардейской стрелковой дивизии, которой командовал опытный боевой генерал-майор С. В. Черников, помешала противнику взорвать деревянный мост через реку. Этим обстоятельством воспользовался командир наступавшего на этом направлении стрелкового полка. Он быстро переправил на другой берег несколько подразделений, которые захватили там плацдарм. Подразделения другого полка переправились по взорванным фермам железнодорожного моста и тоже захватили небольшой плацдарм. В течение ночи на 4 июля на правый берег была переправлена вся дивизия, которая с рассветом перешла в атаку навстречу частям 22-го гвардейского стрелкового корпуса, наступавшим с северо-востока и востока. Примерно к 6 часам утра 4 июля город был полностью очищен от противника. Успешному штурму Полоцка во многом способствовало наступление соединений 4-й ударной армии в обход города с севера с явной угрозой окружения всей полоцкой группировки. Войсками этой армии командовал генерал-лейтенант П. Ф. Малышев, личной храбростью и стойкостью которого я не раз восхищался в годы войны.

Услышав по телефону торжественно звучащие голоса командиров 22-го и 23-го гвардейских стрелковых корпусов, доложивших об этом радостном событии, я облегченно вздохнул: и второй важнейший узел сопротивления противника в полосе наступления фронта был наконец взят нашими войсками. Около шести отборных соединений немецко-фашистских войск было разгромлено в районе Полоцка, а уцелевшие части поспешно, в беспорядке, отступили на Даугавпилс.

В период с 29 июня по 4 июля главные силы 6-й гвардейской и 43-й армий продвинулись еще на 120—130 км и вышли на рубеж (иск.)—Дрисса, Меры, южный берег озера Дривято, м. Опса, сев. берега озер Богин-

ское и Нарочь. Среднесуточный темп наступления за этот период равнялся 20—22 километрам.

Следует отметить, что в эти дни 1-й танковый корпус вновь продемонстрировал высокую мобильность и маневренность. 1 июля корпус получил задачу из района южнее Лужки ударить в тыл противнику, оборонявшемуся перед 43-й армией в районе Глубокое, а затем, повернув на запад, наступать вдоль железной дороги на Поставы, содействуя продвижению правофланговых соединений 43-й армии. В течение второй половины дня 1 июля корпус сосредоточил свои главные силы в районе южнее Лужки и на другой день нанес удар в указанном ему направлении. Выход частей танкового корпуса в тыл противника принудил последнего к отходу.

К исходу 4 июля все ближайшие оперативные резервы противника, находившиеся в полосе наступления войск 1-го Прибалтийского фронта, были разбиты. Задачи, поставленные фронту Ставкой в директиве от 31 мая, были полностью выполнены.

Таким образом, наступление войск 1-го Прибалтийского фронта с целью освобождения северных областей Белоруссии завершилось весьма удачно. В ходе боевых действий за период с 23 июня по 4 июля войска фронта нанесли серьезное поражение 3-й танковой армии группы армий «Центр» и 16-й армии группы армий «Север». Во взаимодействии с 39-й армией 3-го Белорусского фронта они окружили и ликвидировали витебскую группировку противника, а затем решительным штурмом в сочетании с обходным маневром разгромили его полоцкую и лепельскую группировки. Конечная цель витебско-полоцкой операции была достигнута даже несколько раньше, чем было указано Ставкой.

За 12 дней наступления войска фронта прошли с боями до 180 км со среднесуточным темпом наступления 15 км. В отдельные дни темп наступления танковых и механизированных соединений достигал 30—45 км в сутки. За этот период войска фронта при содействии соседей освободили Витебскую и Полоцкую области и вступили на погранные врагом земли советских республик Латвии и Литвы. Было освобождено свыше пяти тысяч населенных пунктов, в том числе областные центры Витебск и Полоцк, а также такие административные центры, как Бешенковичи, Лепель, Глубокое, Докшицы, Дисна. В ходе этой операции было уничтожено около 40 тысяч солдат и офицеров противника, захвачено в плен свыше 16 тысяч человек, выведено из строя около 600 орудий и минометов, свыше двух тысяч автомашин, 78 самолетов и большое количество другого вооружения и боевой техники.

Действуя в стыке двух крупных групп фашистских армий, войска 1-го Прибалтийского фронта надежно изолировали их друг от друга, исключили возможность группе армий «Север» прийти на помощь войскам группы армий «Центр», подвергавшимся беспощадным ударам Белорусских фронтов.

Воины 1-го Прибалтийского фронта с честью выполнили задачу, поставленную Ставкой Верховного Главнокомандования.

Эти успехи чрезвычайно воодушевляли бойцов и командиров фронта. Не меньше радовались мы и успехам войск других фронтов, особенно нашего соседа слева—3-го Белорусского фронта, войска которого к этому времени во взаимодействии с войсками генерала К. К. Рокоссовского овладели Минском и замкнули кольцо окружения вокруг главных сил 4-й немецкой армии из группы «Центр».

Партия и правительство высоко оценили ратные подвиги войск 1-го Прибалтийского фронта: 156 наиболее отличившимся в боях генералам, офицерам, сержантам и солдатам было присвоено высокое звание Героя Советского Союза; 74157 человек награждено орденами и медалями; значительное количество офицеров и генералов повышено в воинских званиях.

В заключение мне хочется отметить те основные факторы, которые, на мой взгляд, обеспечили стремительное наступление советских войск в Белоруссии.

Прежде всего я хочу с особой силой подчеркнуть, что благодаря мудрому руководству Коммунистической партии и поистине героическим усилиям народов-братьев нашей многонациональной Родины советские войска, участвовавшие в освобождении Белоруссии от немецко-фашистских оккупантов, были полностью обеспечены всем необходимым для успешного проведения этой крупнейшей операции Великой Отечественной войны. Все четыре фронта достаточно заблаговременно, еще в период подготовки операции, получили в свое распоряжение огромное количество вооружения, боевой техники, боеприпасов, горючего всех видов и других материальных средств и поэтому в ходе развернувшегося бурного наступления наши войска не испытывали никакого недостатка в этих средствах.

Исключительно большую роль сыграл в обеспечении успеха наступления советских войск в Белоруссии сам героический белорусский народ, и особенно удачные действия крупных сил партизан, сочетавшиеся с наступлением Красной Армии. Белорусские народные мстители развернули в тылу немецко-фашистских войск широкие боевые действия и наносили им значительные потери. Своими смелыми ударами партизаны нарушали коммуникации противника, содействовали наступающим войскам в окружении и разгроме многочисленных изолированных групп противника.

Это, так сказать, объективные условия, благоприятствовавшие проведению операции по освобождению Белоруссии. К числу субъективных факторов, способствовавших успеху операции четырех фронтов, следует отнести блестящую разработку и четкое осуществление плана этой крупнейшей наступательной операции Великой Отечественной войны, что свидетельствовало о возросшем уровне стратегического и оперативного руководства советского военного командования всех степеней. Большая творческая смелость и четкий оперативный расчет отличали не только общий замысел всей Белорусской наступательной операции, но и планы наступления всех фронтовых объединений.

Все упомянутые мною факторы, облегчившие успешное проведение Белорусской операции, базировались на высоком моральном духе войск, горячем советском патриотизме наших воинов, на их массовом героизме и отличном боевом мастерстве. Повседневная целеустремленная партийно-политическая работа в ходе подготовки и проведения операции непрерывно повышала боеспособность войск, их наступательный порыв. Наши воины были охвачены горячим стремлением быстрее очистить от фашистской нечисти последние сотни километров священной советской земли и выволочь миллионы советских людей, пока еще находившихся в фашистском рабстве.

Коммунисты и комсомольцы шли в первых рядах атакующих, вдохновляя на ратные подвиги всю массу воинов. Неоценимую роль играла фронтовая печать. Дивизионные армейские и фронтовые газеты разъясняли приказы командования, мобилизовывали воинов на их выполнение, из номера в номер помещали материалы о массовом героизме воинов самых различных национальностей. Политорганы и армейские партийные организации, фронтовая печать воспитывали у бойцов и офицеров высшие морально-политические и боевые качества, беззаветную преданность социалистической Родине, Коммунистической партии, жгучую ненависть к врагам Отчизны, бесстрашие, мужество, отвагу и героизм в бою с фашистскими захватчиками.

Если говорить о 1-м Прибалтийском фронте, то успех стремительного наступления его войск в Белорусской операции во многом был обеспечен напряженной деятельностью командования, штабов и политорганов всех степеней как при подготовке операции, так и в ходе ее проведения.

Прежде всего мне хочется отметить удачный выбор направления главного удара и тщательную во всех отношениях подготовку всей операции, особенно прорыва обороны противника с последующим форсированием с ходу крупной водной преграды—Западной Двины.

Организация прорыва обороны противника дает яркий пример максимального сосредоточения сил и средств фронта на решающем направлении, что обеспечило на участке прорыва подавляющее превосходство над противником. Весьма удачно было спланировано и осуществлено подавление обороны противника огнем и ударами артиллерии и штурмовыми действиями авиации. Большой четкостью и организованностью отличались действия войск при выходе в исходное положение для наступления, в процессе атаки и развития наступления вплоть до прорыва обороны противника на всю ее тактическую глубину.

Нельзя не отметить, что важнейшее значение для успеха операции имело скрытое проведение всех многочисленных мероприятий, связанных с подготовкой операции. Противник, безусловно, мог обнаружить все это и своевременно принять надлежащие контрмеры. Однако подготовка удара огромного количества наших войск проводилась столь искусно и скрытно, что немецко-фашистское командование даже не подозревало

о готовившемся нами крупном наступлении. В этом был залог нашего успеха.

Общему успеху развития наступления ударной группировки войск фронта в оперативной глубине обороны способствовало также быстрое и умелое форсирование с ходу весьма важной в оперативном отношении водной преграды—Западной Двины.

Следует отметить, что успех форсирования был обеспечен большой предварительной подготовкой войск еще в период подготовки операции. Одновременное форсирование реки на 50-километровом фронте расплыло внимание и силы противника и обеспечило в хорошем темпе ее преодоление нашими войсками. И здесь высокая организованность, быстрота и внезапность действия войск сыграли свою положительную роль.

Успешному осуществлению наступления войск фронта помогло также весьма эффективное применение войсками в ходе операции разнообразных форм маневра, в том числе и осуществление гибкого маневра силами и средствами как из глубины, так и по фронту.

Весьма характерно, что в ходе операции был успешно осуществлен такой сложный и трудный для выполнения маневр, как окружение крупной группировки противника на стыке двух фронтов. Сомкнув кольцо вокруг 50-тысячной витебской группировки противника, войска 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов без всякой паузы приступили к ее расчленению на изолированные группы, быстрое их уничтожение или пленение. Обеспечение четкого взаимодействия войск 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов сыграло исключительно важную роль в достижении столь крупных успехов по разгрому крупной группировки войск противника.

Так умело и мужественно сражались советские войска, освобождая Белоруссию от гитлеровской нечисти.

Но на этом наступление войск 1-го Прибалтийского фронта не заканчивалось. Нас ждали еще фронтовые дороги Советской Прибалтики.

С думой о безымянных героях, о незаметных рядовых труженниках войны, вынесших на своих плечах все тяготы жестоких сражений, блестяще осуществлявших наши планы разгрома врага, взялся я за перо, чтобы написать эти воспоминания. Посвящаю этот рассказ памяти бойцов и командиров 1-го Прибалтийского фронта, отдавших свою жизнь ради свободы и счастья славного белорусского народа.

ՔԵԼՈՌՈՒՄԻԱՅԻ ՀԱՄԱՐ ՄՂՎԱԾ ՄԱՐՏԵՐՈՒՄ

Հ. Խ. ԲԱՂՐԱՄՅԱՆ

Սովետական Միության մարշալ

Սովետական Միության Հերոս

Ա մ փ ո փ ո ռ մ

Քելոռուիայում 1944 թ. ամռանը սովետական զինված ուժերի ձեռք բերած հաղթանակը Հայրենական մեծ պատերազմի տարեգրության վառ էջերից մեկն է:

ԼԵՄԲԵՐ 7—3

Ներկա հոգվածում հեղինակը պատմում է իր հուշերը գերմանա-ֆաշիստական զավթիչներից Բելոռուսիայի ազատագրման համար Առաջին մերձբալթյան ռազմաճակատի ղորքերի մարտական գործողությունների մասին: 1944 թ. ամռանը սովետա-գերմանական ռազմաճակատի բելոռուսական հատվածում ստեղծվել էր դեպի արևելք ձգված մի վիթխարի ելուստ, որը հիտլերյան հրամանատարությունը անվանում էր «Բելոռուսական պատշգամբ»: Այդտեղ կենտրոնացվել էին հիտլերյան 65 դիվիզիաներ, որոնց կազմում կային 1 մլն. 200 հազար զինվոր և սպա:

Հեղինակը ցույց է տալիս, թե ինչպես Առաջին մերձբալթյան ռազմաճակատի ղորքերը իրականացնելով Գերագույն գլխավոր հրամանատարության մշակած պլանները, զարգացնելով փոխգործողությունները հարևան ռազմաճակատների և հատկապես Երրորդ բելոռուսական ռազմաճակատի ղորքերի հետ, 1944 թ. ամռանը ջախջախիչ հարված հասցրին հիտլերյան բանակների այդ խմբավորմանը և ազատագրեցին Բելոռուսիայի զգալի տերիտորիաներ, այդ թվում նաև Վիտեբսկ, Պոլոցկ քաղաքները և բազմաթիվ այլ բնակավայրեր: